

В доме семьи Лу двое представителей органов правопорядка стояли в полном ошеломлении: их представления о морали были не просто разрушены, а втоптаны в грязь и растерты в пыль.

— Что? Вы хотите сказать, что это не ваш старший внук Лу Пиньянь, а младший — Лу Силэ? Так как же тогда вышло, что он отправился в деревню под именем Лу Пиньяня? А, я понял! Вы тут разыграли настоящий спектакль с подменой наследника!

— Вы просто сошли с ума! Вы понимаете, что это открытое противодействие политике партии и уклонение от социальной ответственности? И вы еще всей семьей сговорились это скрывать? Вам конец! Говорю вам, дело приняло серьезный оборот! Никто вас не спасет...

Офицеры были готовы рассмеяться от бесстыдства и запредельной низости этого семейства.

Мало кто отправлялся в деревню по своей воле. Кто захочет добровольно отпустить родного ребенка из сытого города в глухую, нищую дыру, чтобы тот там страдал и мучился? Но такова была реальность эпохи: нежелание не служило оправданием.

Противостоять системе было невозможно, но в рамках правил еще можно было попытаться схитрить: найти ребенку работу или раздобыть липовую справку о болезни. А через пару лет, когда контроль ослабнет, можно было даже упорствовать и никуда не ехать — максимум, что грозило, это ежедневные визиты агитаторов из уличного комитета, молодежной комиссии или ревкома, да клеймо человека с низким уровнем сознательности. Но это было не страшно.

Однако вы не имеете права ради спасения старшего сына отправлять в ледяную глушь Бэйдахуана младшего — слабоумного парня, выдавая его за другого! По сути, они даже не собирались возвращать этого младшего домой. Если бы начальство не знало — ладно, но если бы их сделали показательным примером, не поздоровилось бы всей семье.

Будь на их месте обычные люди, они бы уже дрожали от страха, но здесь царили порядки «птичника» из сыхэюаня, где каждый считал себя непобедимым. Семья Лу не только заранее подготовила стратегию защиты, но и согласовала все показания, поэтому никто из них не испугался — напротив, все выглядели совершенно безразличными.

Старуха, сидевшая на стуле, выказала крайнее нетерпение:

— И что с того? Этот недоумок все равно дома только зря хлеб переводит. Пусть хоть брату поможет, поработает в деревне, займется делом.

Сидевшая рядом женщина средних лет тут же подхватила:

— Именно! Пусть парень и не в себе, но бабушка с дедушкой его хорошо кормили. Здоровяк, сил хоть отбавляй, грех таким добром не воспользоваться. Наша бабушка все ради общего блага делает.

Лу Пиньянь посмотрел в угол, где стояла женщина, номинально приходившаяся ему матерью. Она лишь опустила голову и молчала.

Из внутренней комнаты выскочил круглолицый подросток, вдохновленный словами матери:

— Не пытайтесь нас запугать! Если что, это все затея бабушки. Мы остальные вообще ни при чем. Если хотите, забирайте бабушку, пусть посидит пару дней.

Старуха с любовью погладила внука по пухлой голове и, улыбаясь, похвалила его:

— Какой же мой внук умный! Все верно, это все я устроила. Хотите привлечь к ответственности — забирайте меня. Ха-ха, только боюсь, как вы меня заберете, так и назад принесете. Если вам не лень возиться, то я не против, мне все равно делать нечего, так что давайте поиграем!

Было очевидно, что это семейство — прожженные наглецы и правовые невежды. Они всерьез думали, что если один человек возьмет вину на себя, остальным ничего не будет? В те времена, если в семье появлялся преступник, все остальные не могли поднять головы. Не говоря уже о карьере в армии или учебе, даже работу можно было потерять в одночасье. Рабочие группы постоянно таскали бы всю семью на собрания и курсы переобучения — жизнь превратилась бы в сущий ад.

Офицеры чувствовали, что у них раскалываются головы. В то время все решал ревком, авторитет полиции пошатнулся, и их функции зачастую сводились лишь к поддержанию порядка. Перед лицом подобных семейных драм и нелепых ситуаций они порой выглядели менее влиятельными, чем обычный уличный комитет.

Делать нечего, пришлось привлекать уличный комитет, затем докладывать в ревком, а после их постановления — передавать дело в отдел безопасности сталепрокатного завода. В итоге самым полицейским от этого никакой выгоды, одни хлопоты.

Офицеры, вздохнув, решили действовать по привычке и вызвали представителей уличного комитета. Видимо, семья Лу посчитала, что с ними договориться будет проще, и не стала препятствовать.

Вскоре прибыла глава комитета, товарищ Ван, с двумя помощниками. Едва переступив порог, она без лишних слов разогнала соседей, столпившихся у входа. Затем обменялась парой вежливых фраз с офицерами и, усевшись на стул, приготовилась вершить суд.

Выслушав суть дела, товарищ Ван помрачнела. В душе она проклинала и бестолковую семью Лу, и троих старост двора:

— Раз уж вы взялись управлять, так управляйте! Как можно было допустить такой провал, о котором я, глава комитета, даже не знала? Я еще доберусь до вас троих.

Товарищ Ван помолчала, взвешивая последствия, и произнесла:

— Раз выяснилось, что произошла ошибка, так поменяйте их местами, в чем проблема? Лу Пиньянь пусть честно отправляется в деревню, а глупый Силэ остается здесь, вы, старшие, о нем позаботитесь...

Намерение замять дело было очевидным. По идее, семье Лу стоило согласиться, и на этом все бы закончилось. Но старуха внезапно взвилась:

— С какой стати? Раз уж он уехал, пусть там и остается, с чего это вдруг менять обратно?

Лицо товарища Ван потемнело:

— Значит, по-вашему, менять не надо? А как быть с документами, пропиской и личным делом? Вы что, хотите, чтобы у вашего старшего внука было две личности? Скажу прямо: если он совершит преступление, он заявит, что он Лу Пиньянь, а не Лу Силэ, и что, его младший брат должен будет за него под пулю встать? Ну? Отвечайте! Что, языки проглотили?

Старуха замолчала, а женщина средних лет просияла. Слова товарища Ван подсказали ей отличную мысль: старший сын и так постоянно ввязывается в неприятности, а тут — готовая «грамота об освобождении от ответственности».

Однако не успела она обрадоваться, как товарищ Ван окатила ее холодной водой:

— Тьфу! Даже не мечтайте! За эти два года я поняла: гнилая натура некоторых людей в критический момент вылезает наружу. Вас всего лишь просят отправить ребенка в деревню, а не на смерть. Вы грызетесь друг с другом, как пауки в банке, хитрее вас только черти. Родные братья и сестры готовы глотки друг другу перегрызть, забыв о кровных узах. Хуже собак! Сегодня я здесь все улажу, и никто не смеет потом предъявлять претензии. Мне что, заняться больше нечем, кроме как играть с вами в игры? Я сказала — меняйте обратно. А если нет, то что вы предлагаете? Старуха, говори первой, должен же быть какой-то выход?

<http://bllate.org/book/18528/1782166>